

Эдвард Гюллинг: «КАРЕЛИЯ – ЧАСТЬ СКАНДИНАВСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Михаил ДАНКОВ

г. Петрозаводск

Многие финские социал-демократы начала 20-х годов прошлого столетия были очарованы «громадой и новизной» социальных и государственных преобразований революционной России. Они, как говорил Александр Блок, учились «слушать музыку революции».

Один из них, Э.А. Гюллинг, лидер большевистской Карелии, расстрелянный в 1938 году, считал наш край «исходным пунктом для революционирования не только Финляндии, но и всей Скандинавии».

В Национальном архиве Республики Карелия чудом сохранился уникальный документ, письмо Эдварда Гюллинга от марта 1920 года, отправленное из Стокгольма и адресованное Юрье Сирола. В корреспонденции, ранее не замечаемой исследователями, видимо, впервые разрабатывается сама идея Карельской Трудовой Коммуны, рассматривается ее роль в «революционной стратегии».

Государственное становление первого национального объединения карельского народа, получившее краткую аббревиатуру КТК (Карельская Трудовая Коммуна), проходило в крайне напряженной политической и военной ситуации. Территория богатейшего края к лету 1920 года превратилась в арену боевых столкновений с белофиннами, англо-американскими частями и отрядами белогвардейцев «Временного правительства Северной области». Очередной этап проверки на прочность Карелия испытала чуть позже, уже в 1921–1922 гг.

Безусловная острота ситуации 1920 года, определяемая политической турбулентностью времени, была связана с эффектом втягивания Олонецкого края в орбиту европейских отношений. В ответ на «белофинское нашествие» карелы бросили клич в соседние страны Запада: «Финляндию, Швецию и Норвегию о присоединении их трудового народа к нашим стремлениям».

Одновременно элита большевиков, как и часть рядовых карел на юге губернии, недвусмысленно осудила притязания Финляндии на земли Карелии и заявила о желании остаться в составе РСФСР. Внешне экзальтированные лозунги: «Руки прочь от нас!», «Довольно гнеть издыхающего капитала!», «Карел, русский, финн должны работать рука об руку», оказались наиболее популярными в коммунистической среде. Планомерное наступление отрядов Красной Армии весной 1920 года привело к освобождению большей части территории Беломорской Карелии. Благодаря действиям против войск начальника Северного края Е.К.Миллера на землях Олонецкой и Архангельской губерний на короткое время установилась власть Советов.

В феврале 1920 года группа войск Петрозаводского направления, преобразованная в Олонецкую Добровольческую армию, под командованием генерал-лейтенанта В.С.Скобельцына в боевом порядке перешла границу независимой Финляндии. Однако карельские коммунисты стали себя позиционировать более уверенно лишь после «разгрома» самостоятельного «Toimikunta» (Временного правительства Карелии) в Ухте. Тогда, в середине мая 1920 года, вместе с администрацией «Северной республики» вынужденно эмигрировали в Финляндию более 3000 беломорских карел.

Карельские газеты, не страшась политических метафор, окрестили Финляндию «кошкой из породы тигров» и «акулой, посягающей на чужое добро». Одновременно армейские успехи большевиков позволили члену Карельского ревкома

Э.А. Гюллингу на заседании Всекарельского съезда 2 июля 1920 года отметить: «Мы видим, что в Олонецкой Карелии власть Советов более или менее укрепилась».

Разрешение идеологического и военного конфликта позволило 8 июня 1920 года «в целях борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии» приступить к ранее немислимому государственному проекту – созданию Карельской Трудовой Коммуны. Власти Советской России и ранее организовывали эксперименты по национально-государственному устройству территорий с национальным составом населения. В 1918 году немцы Поволжья образовали Немецкую Трудовую Коммуну. Не случайно при разработке карельского проекта представители НТК решением Политбюро оказались в олонецкой комиссии. В то же время карелы знали об отрицательном опыте в Эстонии. Так, созданная в конце 1918 г., ныне малоизвестная, Эстляндская Трудовая Коммуна не удержала «политическую вертикаль» и вскоре прекратила существование. Тем не менее ВЦИК, верховный орган Российской Федерации, использовал возможность 11-й статьи Конституции РСФСР и в местностях, населенных карелами, принял постановление об организации КТК.

Через две недели в Петрозаводске был проведен Всекарельский съезд карел, на котором присутствовали 142 делегата, избранных от 24 волостей Олонецкой и Архангельской губерний. В обращении оргбюро идея съезда звучала недвусмысленно и директивно. Учитывая, что «белая Финляндия», апеллируя к Лиге Наций, стре-

мится «Карельскую область» выделить «в самостоятельное государство под протекторатом Финляндии», съезд сам «выявит ...стремления трудящихся карел, объединит и укажет, с кем хотят жить карелы». К тому же, «не желая дать никакого козыря в руки белой Финляндии», организаторы закрепили военную победу в Ухте, заявив: «Олонецкий уезд, защищающий свою кровью интересы... карел от кабалы международного империализма, не может мириться с закулисной игрой беженцев Финляндии из кулацкого элемента». Тем не менее драматизм ситуации усугублялся ухтинскими решениями об отделении Олонецкой губернии от России. Карельских большевиков особо взволновал текст петиции, переданной в п. Раяйоки, где проходили переговоры о перемирии между Финляндией и РСФСР. В документе содержалось принципиальное требование «признать Карелию нейтральной и самостоятельной страной».

Дипломатическая борьба за мир с Финляндской республикой закончилась подписанием Юрьевского договора, который получился «несказанно» либеральным. Ребольская и Пороозерская волости в течение 45 дней «очищались» от финских войск и вливались в Восточно-Карельскую автономную область. Зато жители этих мест имели право на эмиграцию и могли сохранить в Карелии свою собственность. Финским предпринимателям разрешалось свободно рубить и вывозить лес.

Карелия получала возможность национального самоопределения на правах автономии. Местный язык объявлялся обязательным для администра-

ции, законодательства и просвещения. Также уничтожалось «постоянное войско» и вводилась «милиционная система».

Было бы заблуждением считать, что западная социал-демократическая элита не культивировала веру в близость мирового коммунизма. Пусть кровавая, но революционная российская история завораживала европейских либералов и была особо привлекательна для Скандинавии. Скажем, Айно Сарола, вторая супруга О.В. Куусинена, вспоминала: «Отто мечтал взять власть в Финляндии... а впоследствии стать «проконсулом всей Скандинавии».

В этом контексте попытаемся рассмотреть любопытный и малоизвестный текст письма Эдварда Гюллинга, отправленного из Стокгольма Юрье Сирола в Москву. Будущий многолетний руководитель Карелии Э.А. Гюллинг в 1918 году входил в рабочее правительство Финляндии и возглавлял народный комиссариат по делам финансов. После поражения революции он эмигрировал в Швецию и работал в Скандинавском бюро III Коммунистического Интернационала. Документ, своего рода программа «национального строительства в Карелии», адресован Ю.К. Сирола – боевому соратнику по социал-демократии, лидеру финляндской революции, комиссару иностранных дел Совета Народных Уполномоченных. После разгрома революции Сирола вынужденно бежал в Советскую Россию, где в 1918 году стал одним из основателей компартии Финляндии, а с 1928 по 1936 год – комиссаром просвещения Карельской АССР.

Уникальный и пока не вве-

денный в научный оборот документ ныне хранится в собрании Национального архива Республики Карелия. Мы имеем дело не с автографом, а с подстрочным переводом текста с финского языка на русский. К сожалению, авторская рукопись во многом загадочного документа до сих пор не обнаружена и место ее нахождения неизвестно.

Между тем перевод корреспонденции, выполненный Э.Торниайненом, датирован 24 марта 1920 года, что, очевидно, синхронно подлиннику. Известно, что Эдвард Гюллинг 1 мая 1920 года, подталкиваемый романтикой коммунистических преобразований, покинул Стокгольм и выехал в Советскую Россию, как оказалось, навсегда. Таким образом, письмо, вероятно, отправлено до 24 марта и хронологически соотносится с весенними месяцами 1920 года. В документе ощущается напряженная обстановка первых лет преобразований на Русском Севере. Но главное: Гюллинг, пожалуй, был первым, кто сформулировал необходимость оформления «Карельской коммуны», выделяемой из территории «Карелии и Кольского полуострова», и обозначил пространство возможного объединения: «Белое море, Онежское озеро, Финляндская граница и Ледовитый океан».

Финский революционер ратует за «особое положение» коммуны в составе РСФСР и настаивает на правовом принципе «устраивать... внутренние дела... хозяйство и свое народное просвещение автономно в...советском собрании».

Как экономист и доктор философии Александровского университета в Helsingfors, Гюллинг понимал: коммуна должна быть частью «великой

России не только политической», но, что важно, «экономически и относительно обороны». К тому же «без энергичного, обладающего компетенцией местного руководства вряд ли» в Карелии «можно...вести интенсивное ведение дел».

Между тем наиболее существенным для Гюллинга являлась борьба с «фарисейскими требованиями...со стороны Финляндии», а также «националистические наклонности» наполовину карельского населения, связанные с принципом самоидентификации. Так как финны об этом постоянно кричат в Европе, основание Карельской коммуны, по его мнению, может сломать «острие у такой агитации». В письме к Ю. Сирола утверждалось, что «карельский вопрос», как и «будущая революция... в Финляндии», может иметь «разрешение» только «после смерти великофинских мечтателей».

Тем не менее серьезный экономист и политик порой сам превращался в мечтателя, заявляя: «Карельская коммуна...образцовое общество...на границе с Финляндией... в 1000 километров», в скором времени способно подготовить «в идейном отношении почву для Финляндской революции». Можно лишь поражаться настойчивости Эдварда Гюллинга, предпочитающего считать «Карелию... частью Скандинавии», тем более что в «северной части» край уж очень близко «подходит... ко всем скандинавским странам».

На наш взгляд, полулегальная корреспонденция, отправленная в марте 1920 года из Стокгольма, в конечном счете спровоцировала встречную политическую и военную экспансию. Также вызывает отторже-

ние «левацкая» идея, что Карелия является «стратегическим и исходным пунктом» для экспорта революции «не только Финляндии, но и всей Скандинавии». Еще более пугает военная составляющая плана постепенного захвата независимых северных государств. Гюллинг с легкостью рассуждает о создании на территории Карелии «особого шведского или финского полка», основу которого должны составить «тысячи две рабочих из этих стран». Любопытно, что уже в июле 1920 года, сразу после «Всекарельского съезда», финское отделение пехотных курсов в Петрограде было преобразовано в Интернациональную военную школу. Финский социал-демократ мечтает на штыках «перекинуть» свободу на Запад: «лишь из такого начала развилась бы... революционная нелегальная деятельность», тем более что «в северной Норвегии и в северной Швеции» имеются для «советизации» все предпосылки.

В то же время «карельская коммуна», носящая «скандинавскую печать», в моральном и материальном смысле в революционной экспансии ощутит «точку опоры», что позволит в силу географии и экономики образовать фантастическую «Скандинавскую советскую республику». Э. Гюллинг настаивает на «создании единой в производственном отношении скандинавской советской власти».

В корреспонденции демонстрируется непреклонная вера в единую «скандинавскую республику», поддерживаемую Россией и независимую «от западноевропейской революции». В этом смысле основание карельской коммуны, по мнению Гюллинга, является «настоящей революционной стратегией» большевиков.

Интерпретируя карельские события весны-лета 1920 года, знакомясь с текстом удивительного документа, исследователи в год образования Карельской Трудовой Коммуны во

многом способны освободить от регламентированной памяти и приоткрыть завесу над ранее цензурированной информацией.

Михаил Юрьевич ДАНКОВ

родился в 1954 году в г. Архангельске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Научный сотрудник Карельского государственного краеведческого музея.

Публиковался в научных сборниках, альманахах, журналах «Север», «Карелия», «Музеи России»,

«Эхохроника» (Санкт-Петербург), «Чело» (Великий Новгород).

Научный руководитель исторического проекта «Осударева дорога».

